

Большое воспитательное значение науки об этносах ставит перед этнографами ответственную задачу превращения накопленных ими специальных знаний в достояние народа. В последние годы увидел свет ряд популярных этнографических работ<sup>55</sup>; статьи по различным проблемам этнографии публиковались в таких журналах, как «Вокруг света», «Наука и религия», «Природа», «Знание — сила» и других. Продолжала публикацию популярных статей также «Советская этнография». Результаты этнографических исследований отражены во многих учебниках и справочниках<sup>56</sup>.

Ведется работа по созданию рассчитанной на массового читателя этногеографической двадцатитомной серии «Страны и народы», в которой, наряду с описанием природы и хозяйства, дается культурно-бытовая характеристика народов<sup>57</sup>.

Итак, пройден пятидесятилетний путь. Оглядываясь назад, мы видим, что он полон труда и поиска, успехов и неудач, естественных для каждой развивающейся науки. Но мы видим и другое — как много проблем еще ждут своего разрешения. Этнографическая наука должна продолжать совершенствовать свой теоретический арсенал, несомненно пополнившийся в последние десятилетия (что свидетельствует о зрелости этнографии как науки), и разрабатывать конкретные проблемы, связанные как с исторической этнографией, так и с этнографией современности народов СССР и всего мира. Проблем таких много и они требуют творческого труда всех советских этнографов, органической частью которых является коллектив сотрудников Ордена Дружбы Народов Института этнографии АН СССР. Награждение Института орденом символично. Само название ордена — «Дружбы Народов» — напоминает об основной общественной и политической функции советской этнографии. Вместе с тем такое награждение ко многому обязывает.

<sup>55</sup> См., например: Этнографы рассказывают. М.: Наука, 1978; Глазами этнографов. М.: Наука, 1982.

<sup>56</sup> Токарев С. А. Этнография народов СССР. Исторические основы быта и культуры. М.: Изд-во МГУ, 1958; Громов Г. Г. Методики этнографических экспедиций. М.: Изд-во МГУ, 1966; Кнышенко Ю. В. История первобытного общества и основы этнографии. Ростов-на-Дону, 1968; Периш А. И., Монгайт А. А., Алексеев В. Н. История первобытного общества. 1-е изд. М., 1968; 2-е изд. М., 1974; 3-е изд. М., 1982; Этнография/Под ред. Бромлея Ю. В., Маркова Г. Е. М.: Высшая школа, 1982.

<sup>57</sup> К настоящему времени вышло 16 томов.

## **Б. Х. Бгажноков**

### **ОРГАНИЗАЦИЯ ПРОСТРАНСТВА И ЭТИКЕТ \***

В числе правил, которым подчиняется этикетное поведение, правилам организации или структурирования пространства принадлежит особое место. С одной стороны, это всевозможные конвенции, касающиеся поз и жестов, с другой — столь же заданные и этикетно значимые концепции деления и распределения пространства в зоне социального взаимодействия личностей.

Вопрос о природе, функциях подобных фактов и отношений требует к себе внимания представителей различных научных дисциплин: социо-

\* Полевые материалы собирались автором среди адыгов в 1978—1980 гг.

логов, лингвистов, этнографов. Для нас, этнографов, особое значение имеет то обстоятельство, что на способах структурирования пространства всегда лежит печать определенной эпохи, определенной социальной и этнической среды, они суть компоненты культуры этноса. Такой сугубо этнографической постановки вопроса о восприятии и организации пространства мы не найдем у американского антрополога Е. Т. Холла. Вместе с тем нельзя не признать, что именно он заложил основы *проксемики* — относительно самостоятельной научной дисциплины, предметом которой является человеческая активность, направленная на восприятие, освоение и использование пространства. Публикации Холла<sup>1</sup>, несмотря на известный, присущий американской антропологии эмпиризм, послужили толчком для очень полезных в теоретическом и практическом отношении поисков в этом направлении. В частности, очень актуальной представляется постановка вопроса о так называемом проксемическом поведении, необходимость изучения которого признана сейчас как за рубежом<sup>2</sup>, прежде всего в американской и английской психологии и лингвистике, так и у нас в стране<sup>3</sup>.

В настоящей статье речь пойдет о проксемическом поведении, приспособленном к нуждам общения, иными словами, о семиотически значимом проксемическом поведении. Чтобы показать хотя бы в общих чертах место этого феномена в культуре этноса, мы обратились к наиболее знакомому нам традиционному этикету адыгских народов — адыгейцев, черкесов, кабардинцев.

Общий характер структурирования пространства в ходе межличностных контактов определялся у адыгов социальными условиями и идеологией феодального общества, пережитками родовых отношений. Отсюда непосредственно управлявшие проксемическим поведением организационные принципы взаимного обхождения, такие, в частности, как уважение старших (по возрасту и рангу), гостеприимство, почитание женщины, своеобразно понимаемые скромность и сдержанность, почтительность и благожелательность<sup>4</sup>. В отношении репертуара семиотически значимых параметров пространства надо заметить, что в целом он тот же, что и у многих других народов. Прежде всего, это противопоставление по принципу «почетный — менее почетный» (параметр). С позицией «почетный» ассоциируются обычно «право», «верх», «центр», «ближе», «анфас», «фасад», «вперед», «первый»; с менее почетной — «лево», «низ», «периферия», «дальше», «задний план», «задний фасад», «позади», «последний». Но конкретная социальная значимость или семантика этих параметров, как мы увидим, очень специфична.

О п п о з и ц и я и п щ э — и щ х ь э р э. Это одна из наиболее древних этногеографических концепций адыгов. У кабардинцев и черкесов ипщэ — почетная сторона, сторона гор, край, где берут начало все реки, пересекающие территорию их расселения с юга на север: Терек, Чегем, Баксан, Кубань, Малый Зеленчук, Лаба и др. Противоположное северное направление считается менее почетным и обозначается словом ищхьэрэ. Кабардинские и черкесские села и вообще любые ограниченные пространства в зависимости от этого делятся на два района или направления. Причем, ипщэ при всех обстоятельствах остается наиболее почетной стороной. Князья, как утверждают нынешние долгожители, не

<sup>1</sup> Hall E. T. Proxemics — the Study of Men's Spatial Relations — Men's Image in Medicine and Anthropology. N. Y., 1963; *idem*. Proxemics. — Current Anthropology, 1968, v. 9; *idem*. The Hidden Dimension. N. Y., 1968 и др.

<sup>2</sup> См., например: Watson O. M. Proxemic Behaviour. A Cross Cultural Study. The Hague — Paris, 1970; Schefflen A. F. Body Language and Social Order. Englewood Cliffs, 1972.

<sup>3</sup> Леонтьев А. А. Психология общения. Тарту: Изд-во ТГУ, 1974, с. 198—202; Хейдмец П. С. Пространственная регуляция общения человека. — Труды по психологии, VI. Тарту: Изд-во ТГУ, 1977, с. 72—84 и др.

<sup>4</sup> Гарданов В. К. Общественный строй адыгских народов (XVIII — первая половина XIX в.). М.: Наука, 1967, с. 289—326; Бгажноков Б. Х. Адыгский этикет. Нальчик: Эльбрус, 1978.

разрешали селиться кому-либо рядом с собой в верхнем течении реки. И в самом деле, феодальная знать всегда оседала в той части села, которая традиционно именуется *кѳуэжъапцэ*, что означает «верхняя, более почетная треть села», противопоставленная средней и в особенности нижней части. Человек, отправлявшийся в сторону ипцэ, при прочих равных условиях считался более важной персоной, чем тот, кто шел в направлении ищхэрэ; его приветствовали всегда первым. «Сэ-ламыр ипшэкIэ дэхъеин хуейш», — говорят в связи с этим адыги, что означает: «Салам надо нести с собой вверх в сторону ипцэ», т. е. в сторону гор, в сторону наибольшего почитания. В полном соответствии с подобными представлениями гость, прибывший со стороны ипцэ, считался (опять же при прочих равных условиях) более почетным, чем гость с какой-либо иной стороны. Наконец, нередко слово «ипцэ» уже вне связи с его первичным значением использовалось как синоним понятия «справа», как обозначение почетного места в пространстве двора, в помещении, в различных видах транспорта и т. д.

Теперь несколько слов о том, почему стороне ипцэ (в данном случае южной) отдавалось предпочтение. Прежде всего заметим, что на территории проживания кабардинцев и черкесов (северные склоны центральной части Главного Кавказского хребта) южная сторона в буквальном смысле слова возвышалась над северной, а понятие «выше», как мы знаем, почти всегда соотносимо с понятиями «главнее», «почетнее». И еще — пожалуй, самое главное — там, на снежных вершинах, берут начало реки, утоляющие жажду, поящие живительной влагой землю. Этого было достаточно, чтобы возникла идея наибольшей значимости юга. Словом, естественное на ранних ступенях общественного развития преклонение перед горами и в особенности перед реками внушило кабардинцам подчеркнуто уважительное отношение к стороне, обозначенной словом ипцэ, кстати говоря, соотносимым с элементом «пш», выражающим у адыгов идею святости, господства, власти.

Встречающаяся иногда чисто религиозная исламская трактовка истоков почитания юга как местоположения Мекки является, безусловно, вторичной. Об этом свидетельствует, кроме всего прочего, специфика представлений о почетной стороне у адыгейцев. У них оно тоже обозначается словом ипцэ, но связывается не с югом, как у кабардинцев, а с востоком. Объяснить это можно только тем, что на территории Адыгеи все наиболее значительные реки (Лаба, Кубань и др.) устремляются к морю, т. е. текут не с юга на север, как у кабардинцев, а с востока на запад. Восток, как край, откуда текут (а у шапсугов к тому же и берут начало) реки, приобретает здесь значение почетной стороны, а запад — *икIахэ, ыхэ* (букв. конец, низ, исход) — менее почетной.

Таким образом, несмотря на разницу в представлениях о том, где именно локализуется ипцэ — на юге, как у кабардинцев, или на востоке, как у адыгейцев, ее морально-этическая ценность остается неизменной: у всех адыгских народностей ипцэ наиболее важное и почетное направление. Соответственно везде этот принцип структурирования пространства обуславливает ряд тождественных правил взаимного обращения, ассоциирующихся с приличием и тактом.

Оппозиция «центр — периферия», «анфас — спина». Тот хорошо известный этнографам факт, что во время танцев девушки выстраивались полукругом вдоль стен жилого дома, кроме всего прочего, связан с предпочтением, которое отдавалось центру усадьбы и близости к жилому дому. Другие менее почетные группы участников праздника располагались дальше от дома. По описанию Т. Керашева, со стороны улицы созданный девушками полукруг «замыкала плотная толпа мужчин, образуя изнутри свободный овальный круг для танцев. Далее, как угрюмый темный лес, высились ряды всадников. И уже за ними шумная толпа юнцов и детворы»<sup>5</sup>. Внутри круга, ближе к строю

<sup>5</sup> Керашев Т. Одинокий всадник. Майкоп: Адыгейское отд. Краснодар. кн. изд-ва, 1977, с. 58.

мужчин размещались музыканты (скрипач, флейтист, трещоточники). По свидетельству Хан-Гирея, «нередко и детей старшин вводили туда же верхом на конях»<sup>6</sup>. Наконец, центр женского и соответственно мужского «фронта» отводился наиболее почетным лицам, старшим по возрасту и рангу, прежде всего представителям княжеского и дворянского сословия.

О предпочтении, которое отдавалось близости к жилому дому, свидетельствует и размещение коней, прибывших в дом гостей. У кабардинцев простолудин не смел привязать коня к коновязи в центре двора, он оставлял его снаружи, на улице, накинув поводья на плетень<sup>7</sup>. У бесланеевцев во дворах князей и дворян устанавливались две, а иногда и три коновязи — для крестьян, дворян и князей. Коновязь для князей размещалась в глубине двора, коновязь для крестьян — в непосредственной близости от ворот и, наконец, для дворян — между ними<sup>8</sup>.

Избегания между мужской и женской частью семьи обусловили еще одну весьма любопытную форму структурирования пространства около жилого дома. С переднего фасада (*унэгунэ*) в дом заходили и выходили только мужчины. С противоположной стороны находился выход и вход для женщин (*шыгъуэгубжэ*). Такая планировка жилого дома и усадьбы, создающая оптимальные условия для избегания, была особенно распространена у кабардинцев. Видимо, кроме всего прочего, она символизировала подчиненное положение женщин в семье.

Строго соблюдалось и правило, по которому к почетному лицу необходимо было располагаться в анфас или во фронт. Поэтому полагалось выходить из комнаты, где сидят старшие по возрасту или по положению, пятясь. Вне помещения младший, прежде чем повернуться и уйти от старшего, отступал, пятясь, назад на несколько шагов. Покидая женщину, мужчина обязан был развернуться непременно в левую сторону, чтобы за женщиной оставалась правая сторона, более почетная. Аналогичных правил придерживался уходящий из дома гость. Он садился на коня, повернув его головой к жилищу, и разворачивался опять-таки налево. В свою очередь хозяин, простившись с гостем, некоторое время продолжал стоять, обратившись лицом к удаляющемуся, пока тот не скроется за горизонтом или поворотом.

Оппозиция «лево — право». Так же как у всех других народов, почетной была признана у адыгов правая сторона. Естественно, это накладывало отпечаток на проксемическое поведение. Например, в некоторых районах Кабарды мужчины ходили по левой стороне, символически уступая правую сторону старшим в роду<sup>9</sup>. Правая сторона закреплялась за женщиной, идущей рядом с мужчиной. По свидетельству К. Хетагурова, такой порядок был принят у всех северокавказских народов<sup>10</sup>. Однако применительно к адыгам это положение требует некоторых уточнений. Прежде всего надо сказать, что у некоторых западноадыгских народностей, в частности у шапсугов, частично у бжедугов, указанный порядок не утвердился, а может быть, утратил свою силу под натиском ислама; кстати, в Западной и Центральной Европе он утвердился сравнительно поздно, в эпоху Возрождения<sup>11</sup>. Заслуживает внимания и возведенное в большинстве районов Кабарды, Черкесии и Адыгеи в ранг обычая нарушение данного правила. Мы имеем в виду ситуацию, когда спутница мужчины — его жена. В этом случае обратный порядок размещения (женщина слева, мужчина справа) служил, как утверждают адыги, средством демонстрации отношений суп-

<sup>6</sup> Хан-Гирей. Избранные произведения. Нальчик: Эльбрус, 1974, с. 190.

<sup>7</sup> Из сообщ. Шидакова И. Ф., 1894 г. р., с. Нижний Акбаш; сообщ. Кярова Д., 1889 г. р., с. Чегем I и др. (Карачаево-Черкесская авт. обл.).

<sup>8</sup> Из сообщ. Джатаривова Н., 1893 г. р., с. Бесланей (Карачаево-Черкесская авт. обл.).

<sup>9</sup> Из сообщ. Машкуашева Ш., 1890 г. р., с. Верхний Черек КБАССР; сообщ. Тхагалегова А., 1897 г. р., с. Кахун (КБАССР).

<sup>10</sup> Хетагуров К. Особа (этнографический очерк). Собр. соч. М.: Наука, 1960, т. IV, с. 356.

<sup>11</sup> Veres P. Jobb : bal : : ferfi : no. — Szemiotical tanulmányok, 16. Budapest, 1975.

ружества. Но возможно, за этим объяснением скрыта уступка духу ислама.

Так или иначе, норма, в соответствии с которой женщинам отводилась правая почетная сторона, в целом была преобладающей. И это касается не только порядка движений по улице, но и целого ряда других ситуаций. Например, на одной из фотографий второй половины XIX в. мы видим перед домом в кабардинском ауле около десятка людей, причем группа женщин стоит отдельно и справа от группы мужчин и это, по-видимому, не случайно<sup>12</sup>. То же самое следует сказать о норме, согласно которой во время хороводных танцев (*удж*) девушки располагались слева от своего партнера.

Оппозиция «лево—право» дает о себе знать и в ситуациях, когда рядом идут только женщины или мужчины. Если это двое мужчин, то младший занимает место слева от старшего. При увеличении числа путников хотя бы на одного картина меняется. В этом случае самый младший занимает позицию справа от самого старшего, а средний по возрасту — слева. К этому следует добавить, что, какой бы большой ни была группа всадников или пеших, соединяться в ряд, превышающий трех человек, не рекомендовалось. Наконец, как и следовало ожидать, князь (*пцы*) независимо от возраста занимал всегда почетное место в центре ряда. В «Выписке о привилегированных сословиях Кабардинского округа», составленной в 1872 г., прямо сказано: «Окружающие князя при следовании сего последнего верхом или пешком размещаются следующим образом: почетный ворк<sup>13</sup> с левой стороны князя, другой ворк, по летам или званию следующий за первым, — с правой стороны его; остальные размещаются сзади и по сторонам...»<sup>14</sup>. Указанное правило, возможно, является рудиментом боевого порядка. Младший справа в этом последнем случае выполнял роль ординарца, посыльного (*гуэхутабгэ, пшэрыхь, пшэрыхьгуэдзэ*), а мужчина слева — роль главного помощника вожака наездников.

В соответствии с логикой рассмотренных правил фиксировались места путников во всех возможных ситуациях. Например, если женщина находилась в компании двух или более мужчин, то справа от нее располагался самый младший мужчина («посыльный»), а слева — самый старший. Аналогичными правилами руководствовалась повсюду любая другая группа лиц, оказавшаяся по тем или иным причинам вместе, точнее, рядом: во дворе, на улице, перед объективом фотоаппарата и даже в мечети во время молитвы. Крым-Гирей, автор второй половины XIX в., принадлежавший к сословию хануко<sup>15</sup>, рассказывает, как однажды в мечети натухайского аула Кудако он стал по левую сторону какого-то горца, полагая, что здесь обычные нормы этикета не действуют. Увидев, что простолюдин стоит по правую сторону от хана, мулла прервал службу и стал отчитывать незадачливого горца за нарушение обычая отцов. В конце концов тот молча переменял позицию. «В душе я был совершенно против замечания святоши, на основании общерелигиозного принципа перед богом все люди равны», — комментирует этот инцидент Крым-Гирей<sup>16</sup>.

Специального рассмотрения требует порядок встреч и встречного движения. По общему правилу мужчина должен проходить мимо женщины, оставляя ее по правую сторону — оказывая ей почет, а мимо мужчины — по левую, в связи с чем в качестве мнемонического правила используется выражение «*Цыхубзым кэмышыр ират, цыхухъум Изцэр ират*» («Женщину оставляют со стороны плети, мужчину — со

<sup>12</sup> См.: История Кабардино-Балкарской АССР. М.: Наука, 1967, т. I, с. 248.

<sup>13</sup> Ворк (*уэркэ*) — дворянин.

<sup>14</sup> Архив КБ Ин-та истории, философии, экономики (далее КБ ИИФЭ), ф. 1, оп. 2, ед. хр. 12, с. 128.

<sup>15</sup> К сословию хануко (*хъаныкъуэ*) относились потомки крымских князей. Эта группа адыгской феодальной знати занимала высшую ступень феодальной иерархии.

<sup>16</sup> Крым-Гирей. Путевые заметки. Избранные произведения адыгских просветителей. Нальчик: Эльбрус, 1980, с. 98—99.

стороны оружия»). Эта формула очень удобна для запоминания норм проксемики, о которых идет речь, так как горцы носили холодное оружие на левом боку, а плеть держали всегда справа, в правой руке. Кстати, порядок встречного движения у мужчин объясняют чисто рационально: предосторожностью, которую необходимо было соблюдать при встрече с вооруженным человеком. И в самом деле, следуя указанному правилу, расходящиеся мужчины оказывались в позиции менее удобной, например, для нанесения неожиданного удара кинжалом. Иными словами, для каждой из сторон это была, потенциально конечно, позиция боя, ставшая затем универсальной нормой взаимного обхождения.

Порядок, по которому мужчина пропускал женщину по правую руку от себя, имел исключение. В восточной Кабарде, встретившись с женщиной на окраине села, мужчина обязан был выбрать позицию так, чтобы женщина прошла мимо него, оставаясь ближе к селу. При этом она могла оказаться не справа от него, как требовало общее правило, а слева. Тем не менее такой порядок движения интерпретировали как одну из наиболее изысканных форм оказания почета женщине. Считалось, что таким образом мужчина сберегал женщину, проявляя рыцарскую заботу о слабом поле. Кстати, здесь мы снова сталкиваемся с тенденцией уступать женщине место ближе к центру, к жилищу.

В полном соответствии со смыслом оппозиции «лево—право» старших мужчин и женщин положено было обходить слева, а не справа, чтобы хоть на секунду не занять правое почетное место. Присоединяясь к идущему впереди человеку, в любом случае следовало занять место слева от спутника. Тот в свою очередь обязан был сориентироваться в ситуации и, если необходимо, переменить позицию, для чего полагалось обойти своего спутника сзади. Догнав двух человек, следовало занять уже позицию справа от них, т. е. место самого младшего, ординарца; и опять в случае надобности ряд перестраивался.

Остается сказать несколько слов о проксемических значимых движениях частей тела, также связанных с оппозицией «лево—право». Следуя правилу, принятому у многих народов, переступая через порог дома или комнаты, требовалось сделать шаг правой ногой, но не левой. Протянуть или принять какой-либо предмет (нож, бокал, хлеб, книгу) полагалось опять-таки правой рукой. Для демонстрации особого почтения к человеку в тех же ситуациях в ход пускались одновременно обе руки, при этом обычно правая рука выдвигалась вперед, например так положено было подавать полотенце гостю.

О п п о з и ц и я «в п е р е д и — п о з а д и». Как и следовало ожидать, позиция «впереди», считалась более престижной, чем позиция «позади». Если в путь отправлялась группа всадников, то впереди, как было сказано выше, ехал самый старший в группе (по возрасту или рангу) с двумя младшими по бокам. Тот же порядок сохранялся при движении пешком, при поездке на арбе; в настоящее время старший в группе выдвигается вперед в автобусе, в легковом автомобиле, в самолете и т. д. Особенно строго соблюдается правило уступать старшему переднее сидение автомобиля, рядом с шофером, что контрастирует с обще-европейским стандартом, согласно которому за высокопоставленным лицом закрепляется место на заднем сидении, как наиболее безопасное.

Уместно отметить здесь, что в период феодализма во время сражений и военных походов предводитель наездников (обычно князь) обязан был выступать неизменно впереди партии. Уступив в минуту опасности первенство кому-либо из воинов, он мог прослыть трусом<sup>17</sup>. По той же причине во время отступления предводитель наездников находился в арьергарде партии, что семантически соотносимо со значением «впереди».

Как и всюду на Кавказе, у адыгов существовало правило, согласно которому жена, отправляясь куда-нибудь с мужем, шла позади него на

<sup>17</sup> Дубровин Н. Черкесы (адыге). Краснодар, 1927, с. 171.

расстоянии до одного и более метров. По-видимому, в этой норме проксемического поведения имеет место соединение в одно целое двух традиций, а именно: 1) избегания между мужем и женой и 2) неравноправного положения женщины в семье. Другое объяснение такого порядка следования высказано И. В. Сухановым. «Истоки этого обычая,— пишет он,— уходят в седую древность, в эпоху межплеменной вражды и кровной мести. Мужчина тогда шел с оружием впереди, ожидая нападения врагов на каждом повороте горной тропы, а жена с детьми и поклажей шла сзади»<sup>18</sup>.

О п п о з и ц и я «первый — последний». Оговоренная в этикете очередность занятия определенных позиций в пространстве находилась в прямой связи с представлениями о социальной значимости взаимодействующих лиц.

Для приветствия группы лиц необходимо было сначала пожать руку самому старшему, затем всем остальным в порядке снижения их социальной значимости. В такой же последовательности оказывали людям всевозможные услуги, например во время приема гостей: помогали умыться перед едой, подавали блюда на стол, наливали спиртные напитки и т. д. Ясно, что во всех подобных случаях в роли старшего выступали не только старшие по возрасту. Обычно женщины считались «старше» мужчин, гость старше хозяев и уж конечно князь, даже самый молодой, старше крестьянина. Отсюда соответствующее условиям определенной, конкретно данной ситуации применение вышеуказанных правил: так, при встрече группы лиц мужчина обязан был приветствовать сначала женщин, а затем мужчин, о чем в свое время писал еще К. Кох<sup>19</sup>.

Особым правилам подчинялась последовательность рассаживания. Сначала на почетное место усаживали самого старшего, затем садились все остальные «по нисходящей». Но представление о старшем в группе (в смысле оказания ему знаков внимания) было опять-таки не однозначным. Если в группе помимо мужчин были женщины, они в этом случае признавались старшими, и потому их усаживали в первую очередь. Далее безотносительно к возрасту и рангу садились гости, что было связано с традиционным делением участников социального взаимодействия по принципу «*хьащIэ — хэгъэрей*», т. е. «гость — не гость». Наконец, определенные коррективы в общепринятый порядок рассаживания вносила феодальная иерархия: право сесть первым независимо от возраста принадлежало обычно наиболее знатному. По свидетельству Дж. Белла, даже во время собраний под открытым небом первыми опускались на землю хануко (потомки крымских ханов), затем князья, дворяне и в последнюю очередь крестьяне<sup>20</sup>.

При входе в помещение, при движении по улице и т. д. вперед пропускali старших по возрасту и рангу — норма, распространенная по всему миру. Но у адыгов есть здесь одна существенная оговорка: женщине строжайшим образом запрещалось пересекать дорогу мужчине. По установившейся традиции (резко контрастирующей с вниманием, которым женщина была окружена в обществе) она обязана была остановиться за несколько метров от идущего ей наперерез мужчины и, опустив почтительно голову, подождать, пока тот не удалится на несколько метров. Бесспорно, перед нами патриархальная норма, уходящая своими корнями в древние представления о вредоносной магии, исходящей от женщины. Если женщина пересекала дорогу мужчине, это считалось плохим предзнаменованием. Люди почти не сомневались, что теперь

<sup>18</sup> Суханов И. В. Обычаи, традиции и преемственность поколений. М.: Политиздат, 1976, с. 15.

<sup>19</sup> Кох К. Путешествие по России и в кавказские земли. — В кн.: Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII—XIX вв. (Сост., ред. переводов, введение и вступительные статьи к текстам Гарданова В. К.). Нальчик: Эльбрус, 1974 (далее АБКНЕС), с. 603.

<sup>20</sup> Белл Дж. Дневник пребывания в Черкесии в течение 1837, 1838, 1839 гг. — АБКНЕС, с. 518.

дело, с которым они отправились в путь, не будет иметь успеха, что их ждет беда и даже смерть. В начале XX в. в кабардинском селении Верхний Акбаш имел место случай, когда мужчина выстрелил в ногу женщине, пересекшей ему дорогу, и остался безнаказанным: сельчане и родственники пострадавшей приняли во внимание высокую общественную значимость дела, по которому выстреливший держал путь в окружной суд<sup>21</sup>. Конечно, это совсем не типичный случай, но тем не менее весьма показательный.

Надо сказать также, что общая тенденция, согласно которой в рассматриваемой нами оппозиции понятие «первый» соответствовало понятию «самый почетный», имело исключения. Так, у кабардинцев во время танцев первым на плясовой круг выходил молодой человек из числа *хагареев* (хозяев), вслед за ним хагарей постарше и лишь после этого самые почетные участники танцев — гости. Итог длинному списку парных танцев (*кафа*) подводил опять-таки только хагарей.

Концепция почетного места. В помещении почетным было и остается место, максимально удаленное от входной двери, — *жанта* (каб. *жъантIэ*, адыг. *жантI*). Его занимает старший по возрасту или рангу, все остальные располагаются вокруг так, что самый младший оказывается ближе всех к двери. Таково общее правило. В настоящее время оно действует у адыгов повсюду, в том числе и в государственных учреждениях. Если в одном помещении работает несколько человек, то почетное место занимает стол старшего по должности<sup>22</sup>. Нередки случаи, когда должностное лицо, принимая в кабинете посетителя, уступает ему свое место, ассоциирующееся с *жанта*. Уместно в связи с этим отметить, что традиционно гость, даже молодой, был вправе рассчитывать на почетное место. В прошлом независимо от возраста этим правом пользовались представители высшего сословия — хануко, князья, дворяне. Наконец, для воинов, известных своими подвигами, честь быть усаженным на одно из почетных мест мало зависела от возраста и ранга. По свидетельству А. Намитока, уважение, которое питали к ним люди, распространялось даже на их жен: им предоставлялись почетные места на собраниях женщин<sup>23</sup>. Что касается использования слова *жанта* для обозначения почетного места, надо заметить, что в прошлом это было место на сидении у очага, наиболее удаленное от входной двери, лучше других защищенное от холода. А. А. Миллер, посвятивший жилищам западных адыгов специальную работу, писал в связи с этим: «Непосредственно у очага устанавливается низкая глинобитная кровать-диван, укрепленная по сторонам досками. В приемной для гостей это почетное место, на которое сажают гостя, ближе к огню»<sup>24</sup>. По свидетельству Дж. Лонгворта, оно «возвышалось над полом на целых три дюйма»<sup>25</sup>. По-видимому, это тоже имело определенное значение: из сообщений авторов первой половины XIX в. следует, что младшие, которые утомлялись чести сидеть с гостем или старшим, устраивались прямо на полу, т. е. в буквальном смысле слова ниже старших.

В жилом доме на почетном месте за очагом восседал отец семейства. Глинобитный диван (*жанта*) был как бы признаком его власти над домочадцами, символом патриархальных устоев семьи. Даже в отсутствие патриарха его место не смел занять кто-либо из членов семьи —

<sup>21</sup> Из сообщ. К. А. Кудяева. 1882 г. р., с. Верхний Акбаш (КБ АССР).

<sup>22</sup> Между тем в странах Западной Европы за старшим по должности закреплялось обычно место в центре помещения, и это служит признаком, по которому узнают главного в группе. — Сб.: *Communication: Concept and Processes*. Englewood Cliffs, 1971, p. 89.

<sup>23</sup> *Намиток А.* Происхождение черкесов. Ч. II. Рукопись. (Перевод с французского К. Мальбахова). — Архив КБ ИИФЭ, ф. 1, оп. 5, д. 1104а, с. 164.

<sup>24</sup> *Миллер А. А.* Черкесские постройки. — Материалы по этнографии России. Спб., 1914, т. II, с. 71; см. также: *Кобычев В. П.* О местоположении камина в традиционном жилище народов Северного Кавказа (к вопросу о методологии изучения народного жилища). — Кавказский этнографический сборник. М.: Наука, 1980, VII, с. 86.

<sup>25</sup> *Лонгворт Дж.* Год среди черкесов. — АБКИЕА, с. 545.

правило, которое было весьма характерно для традиционного общества<sup>26</sup>. Словом, не исключено, что ассоциация жанта с очагом отражала соединение культа домашнего очага с культом предков. Вспомним, что писал Ф. де Куланж о семье в древнеримском обществе: «Отец занимает первое место у очага, он возжигает его и поддерживает, он верховный жрец... он один представляет собою весь ряд потомков, на нем держится семейный культ, он почти что может сказать подобно индусу: „Я сам бог“. Когда же придет смерть, он станет божественным существом и потомки будут ему молиться»<sup>27</sup>.

Возвращаясь к устройству традиционного адыгского жилища, следует отметить, что место с противоположной, ближней стороны очага или камина (адыг. — *пхъэцIакIэ*, *пхъэцIэхалъэ*, кабар. — *дакъэхэкIэ*) принадлежало самым младшим — истопникам. Здесь складывались обычно дрова для разжигания и поддержания огня. Иначе говоря, оппозиции «старший — младший», «почетный — менее почетный» соответствовала внутри помещения оппозиция «*жъантIэ—дакъэхэкIэ*». Отсюда паремии, фиксирующие нормы взаимного обхождения внутри семейно-родственного коллектива: «*фызым и Iыхьлыр жъантIэци, лIым и Iыхьлыр дакъэхэкIэц*» — «Жены родственники жанта (почетные. — Б. Б.), мужа родственники дакахача (менее почетные. — Б. Б.)», «*Малъ-хъэр дакъэхэкIэм къыфIэкIкъым*» — «Зять за дакахача не переступает».

Теперь понятно, почему у некоторых этнографических групп адыгов, в частности у хатукаевцев, бжедугов, шапсугов, натухаевцев, слово «жанта» (жантI) по сей день ассоциируется только с местом у очага в традиционном адыгском жилище. В западных областях Адыгеи превращение его в понятие почетного места вообще и соответственно перенос на современные жилища без очага, судя по всему, не состоялся или не завершился.

Оппозиция «сидя — стоя». Вставать при появлении старших, стоять, оказывая им почет, считалось естественным и необходимым условием повседневных контактов. Эта норма характерна, как мы знаем, для многих народов, но, правда, не столь универсальна, как кажется на первый взгляд: у жителей Полинезии, например, младшие и низшие по рангу, разговаривая со старшими, обязаны были, наоборот, присесть<sup>28</sup>.

Кроме такого чисто семиотического варьирования акту вставания присущи вариации содержательного плана, характеризующие насыщенность его социальной информацией. У адыгов в этом стандарте поведения нашли отражение патриархальные порядки, пережитки материнства, гостеприимство, сословные различия, элементы рыцарства. Отсюда его высокая социальная значимость и обличительность. Даже при произнесении имени старшего по возрасту или рангу присутствующие при этом младшие обязаны были встать, притом независимо от того, жив упомянутый старший или умер. Хозяин принимал гостя стоя, усаживал его, но сам не садился без приглашения последнего<sup>29</sup>, а часто вообще не садился; молодежь в кунацкой выстаивала на виду у пирующих несколько часов, не обнаруживая ни малейших признаков усталости или неудовольствия. Мужчины, подавая бокал женщине, обязаны были встать и стоять, пока женщина, высказав слова благодарности и отпив из бокала, не вернет его обратно. Почтенные старцы с полным сознанием своего достоинства вставали со своих мест при виде совсем молодых женщин. Вообще мужчины всех возрастов обязаны были приветствовать женщин стоя. «Перед старшими людьми и перед девушкой»

<sup>26</sup> В одном из пунктов древнеиндийского свода правил поведения прямо сказано: «Не следует располагаться на ложе или на сиденье, используемом старшим». — Законы Ману. М.: Наука, 1960, с. 42.

<sup>27</sup> Куланж Ф. де. Гражданская община древнего мира. Спб., 1906, с. 90.

<sup>28</sup> Леббок Дж. Начало цивилизации и первобытное состояние человека. Спб., 1896, с. 29.

<sup>29</sup> К. Кох в связи с этим писал, что у черкесского посланника, прибывшего к генералу Раевскому и сказавшего ему покровительственно: «Садись», — были на то свои основания, о которых Раевский не знал. См.: Кох К. Указ. раб., с. 592.

ми встают...» — отмечал Т. Лапинский, хорошо знавший эти приемы морских адыгов<sup>30</sup>. Еще раньше об этом писал Хан-Гирей: «Мужчины, видя проходящую женщину, хотя бы в значительном расстоянии, непременно должны были встать с места и не садиться вторично до тех пор, пока она не удалится, какого бы она ни была звания и достоинства»<sup>31</sup>.

Почти все перечисленные здесь правила, за исключением, пожалуй, первого, сохраняются в той или иной мере по сей день. Но многие нормы взаимного обхождения этого типа исчезли вместе с социальными условиями, их породившими. Еще в прошлом веке соблюдалась определенная последовательность рассаживаний, обусловленная феодальной иерархией, о чем было сказано выше. В кунацкой не полагалось садиться за один стол двум князьям, князю и дворянам. Чаще всего князь (или хануко) садился за треножный столик один, а дворяне и крестьяне стояли, затем за пищу принимались дворяне, сядившиеся обычно по три человека за столик. Во время приема гостей определенное число мужчин, прежде всего со стороны хозяев, обязано было стоять здесь же вдоль стен, оказывая почет сидящим, принимая и тут же в углу кунацкой съедая пищу, поданную со стола. Эта категория лиц обозначалась специальным термином *шхьэгъэрыт* (над старшими стоящие). На приемах дворян и князей в этой роли выступали чаще всего крестьяне и рабы. Крестьянам, даже седобородым старцам, обычно запрещалось садиться за стол с дворянами и тем более князьями. «Там, где орки,— пишет Т. Керашев,—там фокотлям (крестьянам.—Б. Б.) сидеть не полагается»<sup>32</sup>. Но это справедливо лишь для так называемых «аристократических» подразделений адыгов (кабардинцев, бесланеевцев, темиргоевцев, бжедугов и др.). У «демократических» племен преобладали древние обычаи, в соответствии с которыми оппозиция «сидя—стоя» строилась преимущественно с учетом возраста. Ф. Ф. Торнау в связи с этим писал: «Лета ставятся у горцев выше звания. Молодой человек самого высокого происхождения обязан вставать перед каждым стариком, не спрашивая его имени, уступать ему место, не садиться без его позволения, молчать перед ним... Даже старый невольник не исключен из этого правила»<sup>33</sup>. О том же пишут К. Ф. Нейман, Тебу де Мариньи и многие другие авторы первой половины XIX в.<sup>34</sup>

Особо следует сказать о воздействии оппозиции «сидя—стоя» на поведение всадников. С самого начала заметим, что, желая вступить в разговор с женщиной или со старшим по возрасту или рангу мужчиной, всадник обязан был предварительно спешиться с коня. Отсюда кабардинская пословица: «*Лы нэмысыфIэр хуарэм тесми цIыхубзым хуотэдж*»—«Воспитанный мужчина, даже если под ним чистокровный скакун, ради женщины встает» (спешивается.—Б. Б.). При встрече всадников друг с другом каждому из них полагалось, замедлив ход коня, приподняться на стременах. Аналогичным образом демонстрировал свою воспитанность всадник, проезжающий мимо пеших. Но при встрече с почтенным старцем, с уважаемой женщиной или признанной красавицей аула этого было недостаточно. В таких случаях всадник обязательно спешивался, обычно за 30—50 м до встречных. Стоя с почтительным видом, он пропускал их или, — если они стояли на месте, — обходил сам, держа коня под уздцы со стороны, более удаленной от них. По мере удаления почтенного старца (или женщины) всадник медленно разворачивался в его сторону вместе с конем. Подождав, пока они отойдут на 20—30 м, всадник вновь садился на коня и лишь после этого, развернувшись налево (т. е. правым плечом к уходящему) на

<sup>30</sup> Лапинский Т. Горцы Кавказа... т. I. Париж, 1862 (рукопись перевода с немецкого В. К. Гарданова).— Архив КБНИИФЭ. Папка 1798, с. 8.

<sup>31</sup> Хан-Гирей. Записки о Черкесии. Нальчик: Эльбрус, 1978, с. 293.

<sup>32</sup> Керашев Т. Указ. раб., с. 91.

<sup>33</sup> Т. (Торнау Ф. Ф.) Воспоминания кавказского офицера.— Русский вестник, 1864, т. 53, № 10, с. 419.

<sup>34</sup> Neuman K. F. Russland und die Tscherkessen. Stuttgart und Tübingen, 1840, S. 98; Мариньи Тебу де. Путешествие в Черкесию.— АБКИЕА, с. 297.

180°, продолжал свой путь<sup>35</sup>. По свидетельству Хан-Гирея, это правило неукоснительно соблюдалось по отношению к представителям феодальной верхушки, особенно к князю или к княгине<sup>36</sup>. По сообщению турецкого автора М. Джунатоко, у кабардинцев существовал также обычай, следуя которому всадник, даже самый знатный, проезжая мимо резиденции верховного князя данного княжества, обязательно спешился и проходил мимо крепости пешком<sup>37</sup>.

**Выбор дистанции. Контактные табу.** Обычно младший в разговоре со старшим выдерживает социальную дистанцию около 100—120 см, для чего после рукопожатия он отступает на полшага или шаг<sup>38</sup>. Пространство между беседующими женщинами немного сокращается, а между женщиной и мужчиной, юношей и стариком, наоборот, увеличивается до полутора метров, если позволяет обстановка. Даже в момент рукопожатия младший не может приблизиться к старшему на расстояние менее 70—80 см, к тому же во время разговора со старшим на лестнице полагается занять позицию одной-двумя ступенями ниже, в полном соответствии с аналогичным требованием абхазского этикета<sup>39</sup>.

Показатели социальной дистанции у адыгов относительно низки; у американцев, например, они находятся в пределах 4—12 футов, т. е. 122—366 см<sup>40</sup>. Несмотря на это, в прошлом в любых социальных ситуациях исключались формы телесного контакта (похлопывание по плечу, прикосновение к руке и т. п.), принятые у других народов, например у арабов, латиноамериканцев, итальянцев<sup>41</sup>. Запрет телесного контакта распространялся прежде всего на общение между лицами противоположного пола. В частности, не принято было брать женщину под руку, касаться ее плеча и т. п. Оставляя в стороне акты приветствия и прощания, можно с уверенностью сказать, что эти ограничения распространялись в равной степени на малознакомых, близкознакомых, супружеские пары — словом, на все типичные ситуации социального взаимодействия. Видимо, они берут начало из связанных с сегрегацией полов представлений о вредоносной контактной магии. Э. Краулей писал в связи с этим: «Способность к материальной передаче и придает такое важное значение прикосновению, и за стремлением избежать прикосновения, и за желанием контакта кроется признание возможности передачи свойства как природы, так людей и духов<sup>42</sup>. Теперь понятно, почему адыги при каждом прикосновении к собеседнику производят извинительные благопожелания: «*Си Iэ фыкIэ нолусэ*» — «Моя рука добром тебя да коснется». Правда, истоки этой нормы давно не осознаются: избегание прикосновений, извинения за прикосновения стали просто знаками вежливости. В отношениях между мужчинами и женщинами они ассоциировались иногда с нормами шариата, хотя и не были связаны с ними генетически. То же самое можно сказать о намеренном увеличении пространства в момент движения женщин мимо мужчины. У адыгейцев, например, женщина, идущая по улице, увидев мужчин, сидящих на скамейке, обходила их полукругом, удалившись на 1—1,5 м от первоначального курса.

<sup>35</sup> Из сообщ. Курашинова Б. И., 1896 г. р., аул Кошехабль (Адыгейская авт. обл.).

<sup>36</sup> Хан-Гирей. Записки о Черкесии, с. 298.

<sup>37</sup> Мэт Джунатокъуэ (Изэт-Пэша). Кавказым и тхыдэ (История Кавказа). — Рукопись перевода с арабского на кабардинский Эльбердова Х. Э. — Архив КБНИИФЭ. Папка № 186, с. 270.

<sup>38</sup> Термин «социальная дистанция» употребляется в том смысле, в каком им пользуется Е. Т. Холл. Социальная дистанция в отличие от интимной и персональной дистанций характеризуется «ограничением доминирования». «Интимные детали лица не воспринимаются, никто не прикасается к другому и не намеревается прикоснуться, если нет особых причин». См.: Hall E. T. The Hidden Dimension, p. 121.

<sup>39</sup> Инал-Ипа Ш. Д. Традиции и современность. Сухуми: Алашара, 1970, с. 74.

<sup>40</sup> Hall E. T. The Hidden Dimension, p. 121—122.

<sup>41</sup> Watson O. M. Proxemics. — Current Trends in Linguistics. The Hague—Paris, 1974, p. 330.

<sup>42</sup> Краулей Э. Мистическая роза. Исследования о первобытном браке. СПб., 1905, с. 80.

Внутри семейно-родственного коллектива структурирование пространства осуществлялось, кроме всего прочего, в прямой зависимости от обычаев избегания, достаточно хорошо описанных<sup>43</sup>. Супруги могли видаться только ночью, а встретившись днем, «незамедлительно поворачивали в разные стороны»<sup>44</sup>. В присутствии старших они не подпускали к себе детей, старались держаться от них как можно дальше. Невестка избегала родственников мужа, особенно свекра, ей не положено было приближаться даже к двери той комнаты, где жил свекр. В свою очередь родители обычно до конца дней своих не входили в комнату, которую занимали их сын с женой. Наконец, зятю полагалось избегать встреч с родственниками жены, прежде всего с тещей и старшими женщинами рода.

Центростремительные тенденции проксемического поведения. Наряду с упомянутыми центробежными силами в структурировании пространства в традиционной культуре поведения адыгов имели место и специфические центростремительные тенденции в виде ритуализованных форм установления или продления контакта. Гостя полагалось провожать за ворота до края села, иногда до границ страны — в зависимости от обстоятельств. Путник, увидевший (в поле или в лесу) позади себя человека, обязан был подождать его; человек, собиравшийся переступить через порог своей усадьбы, поступал так же при виде приближающегося соседа, знакомого и даже постороннего лица. Встретивший на своем пути кузницу приостанавливался, чтобы приветствовать находящихся там людей; того же требовалась встреча с пастухом, пахарем, охотником, пасечником, стригалем, строителем. Имеются сообщения о том, что всадник обязан был принять участие в различного рода обрядах, празднествах, с которыми он сталкивался в пути, например присоединиться к брачному поезду<sup>45</sup>, к людям, справляющим поминки<sup>46</sup> или устраивающим праздник первой борозды<sup>47</sup>. В противном случае он мог быть не только осужден словесно, но и наказан в прямом смысле слова. За такого рода неучтивость по отношению к невесте сопровождающая ее молодежь простреливала у путника шапку, сбрасывала с седла, срывала с него одежду<sup>48</sup>.

Наличие аналогичных традиций у других народов мира<sup>49</sup> дает основание думать, что перед нами этническая универсалия, истоки которой уходят в глубокую древность. Видимо, на ранних ступенях общественного развития народов присоединение к встреченной группе символизировало благожелательное к ней отношение, а неприсоединение, наоборот, — неблагожелательное и даже враждебное, способное навлечь на участников обряда беду, порчу.

Многие центростремительные тенденции проксемического поведения были прямо связаны с почитанием женщины. Например, согласно традиции путник (конный или пеший), увидев женщину, колющую дрова, обязан был войти во двор и, вежливо, но настойчиво отстранив женщину, взять у нее топор и приняться за работу; справившись с делом, он мог продолжить свой путь. Аналогично этому при виде арбы с женщинами вблизи переправы мужчине вменялось в долг, оставив собственные дела, сопровождать женщин, пока они не переправятся через реку, — на случай, если понадобится его помощь. Вообще, встретив женщин в пути, мужчина обязан был проводить их до пункта назна-

<sup>43</sup> См.: Косвен М. О. Этнография и история Кавказа. М.: Изд-во АН СССР, 1961, с. 86—91; Смирнова Я. С. Избегание и процесс его отмирания у народов Северного Кавказа. — Этнические и культурно-бытовые процессы на Кавказе. М.: Наука, 1978.

<sup>44</sup> Мариньи Тебу де. Указ. раб., с. 306.

<sup>45</sup> Дубровин Н. Указ. раб., с. 72.

<sup>46</sup> Кох К. Указ. раб., с. 623—624.

<sup>47</sup> Из сообщ. Дышкова М. Х., 1897 г. р., с. Терекское (КБ АССР).

<sup>48</sup> Дубровин Н. Указ. раб., с. 72.

<sup>49</sup> Например, у киргизов, см.: Муканов М. М. Этнопсихологическая специфика невербальных коммуникативных знаков. — Интеллект и речь. Психология. Алма-Ата, 1972, в. II, с. 111.

чения<sup>50</sup>. Это правило имеет много общего с обычаем *щудэгъазэ* (следование за всадником), который состоял в том, что младший по возрасту или рангу всадник, встретив или нагнав в поле старшего, обязан был, оставив все свои дела, сопровождать его, пристроившись слева, оказывая ему услуги оруженосца, повара, ординарца. Покинуть своего более почетного спутника можно было только с разрешения последнего. Это делалось опять-таки в духе традиционной адыгской вежливости: младшему полагалось отстать на корпус лошади от старшего и затем, развернувшись влево, ехать своей дорогой<sup>51</sup>. Среди адыгов еще живы старики, которые в молодости неукоснительно соблюдали этот обычай, видя в нем проявление лучших черт адыгского характера. Бытуют еще рассказы о молодых людях, которые, оставив срочные и очень важные дела, сопровождали старших в течение многих часов и дней, не обнаруживая беспокойства<sup>52</sup>.

Впрочем, древний обычай *щудэгъазэ* был неплохо приспособлен к условиям феодального общества: знать использовала его как одно из средств демонстрации своего превосходства над крестьянами. В вышеупомянутой выписке о привилегированных сословиях Кабардинского округа читаем: «Всякий верховой кабардинец при встрече с князем обязан вернуться назад и провожать его до тех пор, пока не будет им отпущен»<sup>53</sup>. Как явствует из этого же документа, порой князья вынуждали следовать за собой целые обозы крестьянских подвод, встреченных в пути. В этом и во всех других случаях князь, независимо от возраста, выступал в качестве главной фигуры центростремительных тенденций проксемического поведения. Если он прибывал в чей-либо аул по делам, то дворяне его свиты, расквартированные по другим домам, должны были каждый день посещать его и оказывать всевозможные услуги<sup>54</sup>. Мало того, чтобы выразить свое почтение, к нему стекались дворяне и князья всей округи. Многие из них сопровождали князя повсюду, где он бывал, а при отъезде провожали на далекое расстояние. В этом и во многих других случаях, частично рассмотренных нами, престиж центра и связанные с этим модели проксемического поведения были целиком и полностью обусловлены идеологией, господствующей в феодальном обществе, теми или иными нюансами в представлениях о ее главных и второстепенных действующих лицах.

Относительно проводов надо сказать, что эта церемония весьма любопытна как в социальном, так и в психологическом отношении. Бесспорно, она символизирует уважение к другому лицу, желание prolongировать радость встречи с ним, но наряду с этим включает в себя идею охраны, оберега — гостя, старшего, женщины. Не исключено, что проводы возникли с самого начала как необходимость защиты от нападений, совершавшихся с целью грабежа и увоза в рабство. Но впоследствии наряду с этим они стали демонстрацией уважения, почтения или подчинения. Одним словом, утилитарная функция слилась с этической, а в ряде случаев (когда поведение рассчитано на внешний эффект) сдала ей свои позиции. Механизм подобного рода превращений хорошо известен этнографии.

Подведем некоторые итоги. Перед нами прошла целая галерея правил проксемического поведения, относящихся к разнообразным формам традиционного быта адыгов. Историческая обусловленность этих правил очевидна. Прямое воздействие на организацию пространства в ходе общения оказывали сословные различия, элементы рыцарской морали, приспособленные к условиям феодального общества старые родовые традиции (гостеприимство, почитание старших, обычаи избегания), уxo-

<sup>50</sup> См. одно из первых упоминаний об этом: *Бесс Ж. де*. Путешествие в Крым, на Кавказ, в Грузию, Армению и Константинополь. — АБКИЕА, с. 349.

<sup>51</sup> Из сообщений Отарова Х. И., 1889 г. р., с. Зеюко (Карачаево-Черкесская авт. обл.).

<sup>52</sup> См., например: *Киржинов С.* К вопросу об этике адыгов в семейном и общественном быту. — Археолого-этнографический сборник. Нальчик: Эльбрус, 1974, с. 107.

<sup>53</sup> Архив КБНИИФЭ, ф. 1, оп. 2, ед. хр. 12, с. 128.

<sup>54</sup> *Хан-Гирей*. Записки о Черкесии, с. 295.

дящие своими корнями в древность этнографические концепции, различного рода магические и полумагические представления.

Возникает, однако, вопрос, как квалифицировать семиотически значимое проксемическое поведение, какое место занимает оно в культуре этноса? По нашему мнению, можно говорить о нем как об особом слое культуры общения. А культура общения является, как мы знаем, компонентом культуры этноса и в этом качестве — предметом этнографии общения<sup>55</sup>. Правила проксемического поведения тесно связаны с другими компонентами культуры общения, их даже нельзя представить вне этой связи. Управление проксемическим поведением, осуществляемое из единого центра, которому подчинено коммуникативное поведение в целом. Таким центром в культуре общения является этикет. Именно этикет задает основные правила проксемического поведения. Отсюда присущий этим правилам специфичный этический акцент.

В заключение мы еще раз хотим подчеркнуть, что этнография не может стоять в стороне от семиотики. Особенно это касается этнографии общения. Нужен специальный историко-этнографический анализ семиотического уровня социальных связей и отношений, который представлен как речевыми, так и неречевыми стандартами и атрибутами общения. Результаты подобных исследований были бы полезны не только в качестве дополнения к информации о различных сферах быта народов. По нашему глубокому убеждению, не меньшее значение могут иметь они для решения проблемы, которая в советской этнографии выдвинулась сейчас едва ли не на первый план. Это проблема механизмов функционирования, жизнеобеспечения этнических культур, культуры этносов в целом.

<sup>55</sup> См.: Бгажноков Б. Х. Коммуникативное поведение и культура (к определению предмета этнографии общения). — Сов. этнография, 1978, № 5.

### **В. П. Орфинский**

#### **К МЕТОДИКЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ДЕРЕВЯННОГО ЗОДЧЕСТВА**

Для исследователей деревянного зодчества нет мелочей — даже незначительные на первый взгляд архитектурные детали способны многое рассказать об особенностях материальной культуры того или иного народа и специфике его контактов с соседними народами. Вот почему участники экспедиции Петрозаводского университета в Архангельскую область летом 1981 г. испытали и удовлетворение, и разочарование. Первое — когда в процессе обследования народных построек им удалось зафиксировать широкое распространение на Каргопольщине характерных для Юго-Восточной Карелии русских печей с выступающим вперед жаратком, отметить в Плесецком районе северо-восточную границу ареала двойной припазовки венцов в срубах и проследить за изменением характера орнаментики крестьянских домов. Второе — когда уже после окончания экспедиции они побывали в музее под открытым небом в Малых Карелах под Архангельском и увидели там, в Каргопольском секторе, воспроизведение не характерных местных вариантов печей и домово́й резьбы, а усредненные для Русского Севера решения, либо довольно произвольные импровизации на тему народной архитектуры; при этом реставрация памятников деревянного зодчества порой подменялась их имитацией.

К сожалению, подобные явления в реставрационной практике отнюдь не редкость. Предопределены они в значительной степени несовершенством распространенной методики обследования сооружений деревянного зодчества — «штучным» подходом к выбору объектов и недостаточной